

Безкорыстный Геростратъ

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ «дней, которые со-
трясли міръ», или съ той «ночи, которая рѣшила все». Эти октябрьскіе дни и ночи Петербурга 17-го года заслу-
женно приобрѣли всемірно-историческую извѣстность. Но
не столько по цѣлямъ, которыя они себѣ ставили,
сколько въ силу методовъ, которые при этомъ были
использованы и освящены революціоннымъ и социалисти-
ческимъ сознаніемъ для завоеванія политической власти.

Къ цѣлямъ Октября сочувственно относились только
тѣ, кто ихъ раздѣлялъ. Техника же октябрьскаго пе-
реворота привлекла къ себѣ гораздо болѣе широкія сим-
патіи, — со стороны даже тѣхъ, кто были враждебны цѣ-
лямъ Октября. Эта техника стала предметомъ изученія,
какъ классическій образецъ удачнаго переворота въ чи-
стомъ видѣ. Она сдѣлалась и объектомъ завистливаго
подражанія, которому съ разнымъ успѣхомъ стали слѣ-
довать и другія страны, — уже не только въ «экзотиче-
ской» Южной Америкѣ или на Балканахъ, но и въ запад-
ной и центральной Европѣ.

Если раньше тѣмъ и отличали революціи отъ бунтовъ,
переворотовъ, заговоровъ и т. д., что онѣ происходили
открыто при активномъ и стихійномъ участіи народныхъ
массъ, — Октябрь положилъ начало новому типу «рево-
люцій», которыя не столько происходятъ, сколько «дѣ-
лаются» ударными отрядами организованныхъ «профес-
синаловъ», дѣйствующими укрдкой отъ широкаго об-
щественнаго мнѣнія, при маломъ участіи народныхъ массъ
и не при дневномъ свѣтѣ, а подъ покровомъ ночной тьмы
и тишины.

«Обыватель», т. е. подавляющая масса петербургскаго
населенія, продѣлавшая за восемь мѣсяцевъ до того свою
національную революцію, или весь народъ за вычетомъ
численно ничтожныхъ кадровъ посвященныхъ въ заго-
воръ профессионаловъ, даже и «не замѣтилъ», какъ про-

изошла смѣна режимовъ. Проснувшись по утру 25 октября, онъ могъ только «протирать испуганные глаза» при видѣ неожиданно сваливагося на него, въ результатъ «соціалистической революціи», совѣтскаго строя. Такъ изображаютъ Октябрь не его противники и хулителѣ, а творцы и вдохновители, апологеты и пропагандисты, — изображаютъ не въ каррикатурѣ, а какъ подлинную реальность.

Да, Октябрь былъ сдѣланъ. Онъ былъ произведенъ, а не «произошелъ». Такое признаніе способно наполнить величайшимъ удовлетвореніемъ политическое пицеславіе дѣятелей Октября, какъ признаніе даже врагами результатовъ ихъ дѣла и личныхъ усилій. Это не мѣняетъ положенія. Психологически хотя и трудное, но исторически неоспоримое, признаніе это и политически необходимо. Необходимо, въ частности, и потому, что, можетъ быть, только оно — при болѣе углубленномъ взглядѣ на «ходъ» исторіи — способно дать удовлетворительное объясненіе и тому, какъ «случился» Октябрь, и тому, почему 15-лѣтнее фактическое торжество Октября лишь кружнымъ опытнымъ путемъ подкрѣпляетъ самоочевидную и аргюи вредоносность Октября — для Россіи и для всего культурнаго міра, для реализаціи соціальной справедливости и для политическаго освобожденія.

Какъ ни расцѣпывать моменты стихійности и сознательности, личной изобрѣтательности или ловкости и органическаго развитія, — «содѣянное», даже самымъ искуснымъ образомъ, всегда можетъ быть «раздѣлено». Органическіе же процессы можно задержать, можно направить въ другую сторону, извратить, — но лишь на время, лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ, ибо исторія, какъ и природа, нагнавшая въ дверь, возвращается другимъ путемъ. Октябрь не былъ органическимъ процессомъ, онъ былъ предпріятіемъ, задуманнымъ, взаимоотношеннымъ и выполненнымъ кучкой лицъ. — и впрямь всего и больше всего Ленинымъ — вопреки исторіи, въ нарушеніе ея законовъ, съ прямымъ намѣреніемъ направить ее, не считаясь, проплывъ, съ до-октябрьской «пре-исторіей».

Не будучи дѣломъ одного Ленина, анти-историческій Октябрь интимнѣе и глубже всего связанъ, однако, именно съ его личностью.

Нельзя, конечно, сказать, что, не будь Ленина, февральская революція не сорвалась бы, гражданской войны

не было бы, вѣшняя война закончилась бы удачно, Россія не голодала бы, какъ въ 21-мъ году и сейчасъ, а процвѣтала бы и т. д. Такое сужденіе было бы необосновано. Но что не будь Ленина, Октябрь случился бы не въ октябрь (и потому, можетъ быть, вовсе бы не случился); гражданская война приняла бы не тѣ формы, которыя она приняла при Ленинѣ; Брестскій миръ не былъ бы заключенъ тогда и на тѣхъ условіяхъ, когда и какъ настаивалъ на томъ одинъ лишь Ленинъ; Россія, даже бѣдствуя, не оставалась бы такъ долго изолированной отъ Европы и т. д., — обо всемъ этомъ позволительно не только гадать. Это все можно утверждать, основываясь на фактахъ и на признаніяхъ, въ частности, самого Ленина, частично ставшихъ извѣстными только послѣ его смерти.

Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать: не было бы Ленина — не было бы и единственно даннаго исторіей Октября. Въ Ленинѣ, въ его психологіи, характерѣ, біографіи — ключъ къ познанію и «безсмертныхъ» началъ Октября *).

Чтобы изъ 15-лѣтняго, уже историческаго далека подвести итоги Октябрю, нужно прежде всего подвести итоги жизненному пути главнаго его творца и вдохновителя. Только такимъ «субъективнымъ» методомъ можно проникнуть и въ смыслъ и разумъ того, чѣмъ былъ Октябрь объективно, въ ходѣ русскаго историческаго процесса.

Биографія Ленина необычайно элементарна, — гораздо элементарнѣе біографій большинства дѣятелей, вошедшихъ въ исторію по аналогичному съ Ленинымъ праву и титулу. Она несравненно проще и однохарактернѣе біографіи даже всякаго средняго человѣка нашего времени, даже не причастнаго къ политическимъ судьбамъ страны.

Это не значитъ, что Ленинъ былъ жалкимъ ничтожествомъ, какимъ оказался, на примѣръ, Робеспьеръ въ изображеніи Тэна, или — простой игрушкой въ рукахъ стихіи, «продуктомъ безсознательной и роевой жизни человѣчества», какимъ оказался Наполеонъ въ изображеніи Тол-

*) Составленное авторомъ жизнеописаніе Ленина выходитъ къ 15-лѣтію Октября на французскомъ языкѣ въ серіи «Les Ames et les Visages» издательства Armand Colin.

стого. Нѣтъ, Ленинъ не былъ пустымъ ничтожествомъ, онъ былъ не только преступникомъ и безумцемъ. Онъ былъ и крупной индивидуальностью, человѣкомъ напряженныхъ страстей и воли, несмотря на всю неяркость его личной жизни и общую невзрачность его фигуры.

Главнѣйшій смыслъ не Ленина, а его биографіи въ томъ, можетъ быть, и заключается, что она наглядный примѣръ того, что на извѣстныхъ пересѣченіяхъ исторіи всемірно-историческая роль можетъ выпастъ и на людей типа Ленина. Грандіознымъ событіямъ вовсе не всегда соответствуютъ и дѣятели соответственнаго масштаба. Безконечно-малыя величины играютъ безконечно-большую роль въ движеніи не только планетъ, но и человѣческихъ обществъ, — что, повторяю еще разъ, вовсе не значитъ, что Ленинъ былъ величиной безконечно-малой. Нѣтъ, онъ былъ величиной не слишкомъ оригинальной, менѣе всего гениальной или «безконечно-большой», но достаточно крупной и незаурядной. Выдавался онъ главнымъ образомъ силою своего характера и страсти.

Ленинъ былъ человѣкомъ одной идеи, одной страсти, одного устремленія. Съ тѣхъ поръ, какъ Владимиръ Ульяновъ сталъ Ленинымъ, у него не было личной жизни, — она заполнялась и безъ остатка исчерпывалась жизнью общественной. Его биографія полностью сливается съ жизнеописаніемъ русскаго революціоннаго движенія за тридцатилѣтіе 1894 - 1924 г. г.

Ленинъ былъ однолюбецъ въ личной жизни и въ жизни общественной. Всю жизнь оставался онъ вѣренъ своей «Миногѣ» — Надеждѣ Крупской, съ которой встрѣтился въ первые годы своей нелегальной работы въ Петербургѣ. На почвѣ организационно-технической связи съ незамѣнимымъ по преданности дѣлу секретаремъ и шифровальщицей зародилось у него и личное влеченіе, узаконенное позднѣе узлами церковнаго брака сельскимъ батюшкой въ Сибирѣ.

Надъ всѣми интересами, которые существовали у Ленина къ людямъ, къ наукѣ, публицистикѣ, философіи, статистикѣ, — доминировала одна неутолимая страсть къ политической борьбѣ и революціи. Во всеустроющую си-

лу революціи вложилъ онъ всю вѣру и надежду, всѣ помыслы и чувствованія, привязанности и отталкиванія. Этой прекрасной Дамѣ подчинилъ онъ всѣ другія страсти и интересы. Ей, какъ и Крупской, остался онъ вѣренъ всю жизнь.

Надо, впрочемъ, оговорить, — то была не индивидуальная черта Ленина, а родовая — того поколѣнія русской интеллигенціи, которая подъ властью русскихъ самодержцевъ и сповѣдывала социализмъ и революцію на манеръ первохристіанъ, исповѣдывавшихъ новаго Бога подъ властью язычниковъ. Травимый и преслѣдуемый социалистъ и революціонеръ оказывался изолированнымъ отъ живой дѣйствительности и реальныхъ отношеній. И онъ создалъ свой міръ идей и чувствованій, свою философію и мораль, при чемъ міръ этотъ не оставался лишь воображаемымъ міромъ — міромъ романтическихъ грезъ и фантазмовъ о будущемъ или произвольныхъ фикцій о прошломъ. Нѣтъ, онъ былъ подлиннымъ міромъ, негласнымъ и невидимымъ для посторонняго взгляда, зарывшимся въ подполье, но міромъ, въ которомъ люди жили не только своими думами и ощущеніями, но и по собственнымъ законамъ и нравамъ. Вызванный къ бытію внѣшними причинами — насиліемъ власти, міръ этотъ въ свою очередь, недоувѣрчиво и враждебно относился ко всему, рядомъ съ нимъ существующему, міру легальному и официальному.

Уходившіе въ этотъ міръ покидали семью свою, отказывались отъ званія, имущества и положенія, которое имъ давало ихъ происхожденіе. Они отказывались отъ своего имени и мѣняли свою внѣшность. Это давало поводъ къ всевозможнымъ, часто основательнымъ, насмѣшкамъ. Но это было не одной только позой или фразой. Это было и рѣшительное, на дѣлѣ проведенное отреченіе отъ несправедливой, на крови и слезахъ построенной «буржуазной» жизни. Здѣсь была и пламенная, не одинъ разъ запечатлѣнная смертью, готовность личной жертвы въ интересахъ общаго блага. Люди сознательно и легко отказывались отъ радостей личной жизни, чтобы съ тѣмъ большей беззаветностью отдаться подвигу общественнаго служенія.

Борьба съ существующимъ строемъ стала не только обыкновениемъ и традиціей русской интеллигенціи. Она стала и долгомъ совѣсти и чести, своего рода свидѣтельствомъ о принадлежности къ сверхклассовой организаціи

борьбовъ за всеобщее счастье и свободу противъ вѣковой тьмы и безправія. Въ большинствѣ своемъ отвергая не только церковь, но и религію, эти люди на дѣлѣ жизненно осуществляли евангельскую заповѣдь: губили себя физически, чтобы сохранить духовно.

Денивъ былъ изъ числа такихъ рыцарей-монаховъ, безкорыстныхъ аскетовъ и въ то же время неистовыхъ насильниковъ, которые встрѣчались уже среди первыхъ подвижниковъ русской свободы. Какъ кроты, подрывали они обветшалое зданіе русскаго самодержавія. И чѣмъ на болѣе долгій срокъ затягивался процессъ крушенія русскаго абсолютизма, чѣмъ менѣе замѣтными становились плоды революціонныхъ усилій и жертвъ, чѣмъ сильнѣе ожесточалось сердца, тѣмъ болѣе глупѣе безкорыстіе аскета уступало мѣсто неистовству павлинка. Рыцари-монахи все чаще обертывались фапатиками-изуврами.

Владимиру Ульянову было 13 лѣтъ, когда въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1883 г. скончался узникъ № 5 — Нечайевъ. И ему исполнилось 15 лѣтъ, когда изъ парижскаго убѣжища для умалшенныхъ «Св. Анна» Элизэ Реклю, Эдуардъ Вайншп и др. выносили прахъ Ткачева, — того, кто еще въ половинѣ 60-хъ годовъ объявилъ себя въ Рос- сии сторонникомъ Маркса. Самое имя Маркса впервые въ русской литературѣ было названо Ткачевымъ. Это не могло не расположить въ пользу идей Ткачева Владимира Ульянова, уже съ 17-лѣтняго возраста, послѣ казни своего брата Александра, увлекавшагося революціей, а нѣсколь- ко позднѣе — и марксизмомъ. У перваго русскаго марксиста могъ будущій творецъ ленинизма прочесть, что «для окончательнаго искорененія деспотизма въ Россіи необходимо уничтожить все населеніе свыше 25-лѣтняго возраста»...

Кто знаетъ, какое впечатлѣніе могли произвести и какое вліяніе оказать эти запавшія въ молодые мозги слова!

Тотъ же Ткачевъ писалъ: «Вѣчно носить въ умѣ идеи, которымъ не суждено перейти въ дѣло, это пытка и страшно мучительная пытка».

Может быть, потому и кончил Ткачевъ дни свои въ убѣжищѣ для умалишенныхъ, что недостаточно энергично возобновляя попытки воплотить въ жизнь мучившія его сознаніе идеи, какъ то дѣлалъ единомышленникъ Ткачева въ одно и то же время и анархистъ, и якобинецъ — Нечаевъ.

Сравните общество «Народной Расправы» и «Катехизистъ» нечаевской организаціи съ обществомъ и моралью «профессиональныхъ революціонеровъ» Ленина и вы удивитесь поразительному сходству теоріи и практики, раздѣленныхъ во времени на полвѣка. «Страшное, полное, повсемѣстное и беспощадное разрушеніе» у Нечаева и «безпощадное истребленіе» у Ленина. Топоръ, какъ эмблема, у Нечаева и «серпъ и молотъ» у Ленина. Тамъ и тутъ «пятерки», какъ основа организаціи, въ которой каждый участникъ группируетъ вокругъ себя новую, свою «пятерку». Каждый долженъ имѣть около себя участниковъ низшихъ разрядовъ организаціи, только частично посвященныхъ въ тайны общества. На нихъ надо глядѣть, какъ на часть общаго революціоннаго имущества, находящагося въ распоряженіи руководителей. «Любить народъ — значить водить его подъ картечь», — училъ Нечаевъ. «Обременяйте сочувствующихъ порученіями, поддерживайте въ нихъ сознаніе, что они приносятъ пользу великому дѣлу, и тотъ, кто пріобрѣтаетъ на нихъ влияніе, можетъ повести ихъ куда хочетъ», — такъ училъ и дѣлалъ Нечаевъ. А развѣ иначе дѣйствовалъ Ленинъ?

«Нечаевщина» не была случайнымъ эпизодомъ, изолированно стоявшимъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Между праведными подвижниками и фанатическими изуверами было то общее, что и тѣ, и другіе одинаково оставляли отца и мать свою, отрекались отъ личной жизни и посвящали себя служенію высшему и единственному на потребу — революціи. Но по существу то были совершенно разныя — даже противоположныя — типы или линіи развитія. Темное и свѣтлое начала революціонной стихіи иногда существовали и развивались раздѣльно, но иногда и слитно, даже въ одномъ и томъ же индивидѣ. Ибо и изуверы оставались «честны съ собой». Если они погрѣшали, то только противъ другихъ, — повинуюсь возложенному ими на себя долгу и кресту.

Еще до революціи пятого года ближайшіе товарищи Ленина называли его вторымъ Нечаевымъ. Между Лени-

нымъ и Печаевымъ имѣлась, однако, та существенная разница, что Печаевъ проповѣдывалъ и осуществлялъ свою мораль, не выходя изъ подпольнаго, нелегальнаго и преслѣдуемаго положенія, тогда какъ Ленинъ защищалъ и осуществлялъ ту же мораль и на положеніи неограниченнаго владыки обширнаго государства.

Ленинъ не искалъ гармоніи между цѣлями и средствами. Для него всякое средство было хорошо, лишь бы оно вело къ нужной цѣли. Качество и количество жертвъ было для него въ такомъ случаѣ безразлично. И свою жизнь, и жизнь другихъ онъ строилъ по принципамъ. И принципомъ его политики было отрицаніе моральной оцѣнки. Онъ любилъ повторять: «Морали въ политикѣ нѣтъ! Есть только цѣлесообразность!» — «Партія не пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Нельзя въ оцѣнкѣ партійныхъ работниковъ подходить съ узенькой мѣркой мѣщанской морали. Иной мерзавецъ можетъ быть для насъ именно тѣмъ и полезнѣе, что мерзавецъ».

Самъ Ленинъ не игралъ въ карты, не кутилъ, не пилъ ничего, кромѣ пива, — былъ далекъ отъ физическаго соучастія въ преступленіяхъ противъ имущества или личной свободы. Но къ чужимъ порокамъ, пьянству, разврату, растратамъ, даже къ откровеннымъ, уголовнымъ Ленинъ относился болѣе чѣмъ терпимо и снисходительно. Ему важнее былъ не мотивъ и не цѣли, двигающіе человека на революціонное дѣло, а результатъ, только результатъ.

Въ политикѣ имѣеть значеніе не намѣреніе, а результатъ, — говорилъ онъ.

-- Не то скверно, что товарищъ Красиковъ партійныя деньги пропилъ въ веселомъ домѣ (въ Львовѣ), а то возмутительно, что изъ-за этого транспортъ пелегальщины оказался ненавѣреннымъ...

Не переставая быть убѣжденнымъ марксистомъ съ юныхъ лѣтъ, Ленинъ всю жизнь не переставалъ бороться съ анархизмомъ. «Анархистъ» въ его устахъ звучалъ не многимъ менѣе бранно, чѣмъ «либераль». И въ то же время у отца русскаго анархизма Бакунина заимствовалъ Ленинъ свое исходное пониманіе революціи, какъ въ войнѣ, — «единственной, законной, правомѣрной, справедливой, дѣйствительно великой войны изъ всѣхъ войнъ, какія знаетъ исторія».

Соотвѣтственно съ этимъ, задача Временнаго революціоннаго правительства, по Ленину, организація войны, а

не «порядка»; задача же профессиональных революционеров — :

— Самовооружение, что чѣмъ можетъ (ружье, револьверъ, бомба, ножъ, кастетъ, палка, тряпка съ керосиномъ для пожара, веревка или веревочная лѣстница, лопата для стройки баррикады, пироксилиновая шапка, колючая проволока, гвозди противъ кавалеріи и пр. и т. д.). Ни въ какомъ случаѣ не ждать со стороны, сверху, извнѣ, помощи, а раздобывать все самимъ... Тотчасъ же начать военное обучение на немедленныхъ операціяхъ, тотчасъ же. Одни сейчасъ же предпримутъ убійство шпика, взрывъ полицейскаго участка, другіе нападеніе на банкъ для конфискаціи средствъ для возстанія и т. д. Но обязательно сейчасъ же начинать учиться на дѣлѣ: не бойтесь этихъ пробныхъ нападеній. Они могутъ, конечно, выродиться въ крайности, но это бѣда завтрашняго дня, а сегодня бѣда въ нашей кости, въ нашемъ доктринерствѣ, ученой неподвижности, старческой боязни инициативы. Пусть каждый отрядъ самъ учится хотя бы на избіеніи городскихъ...

Таково было съ самаго начала пониманіе революціи, какъ движущей силы исторіи, у марксиста Ленина.

*

**

Послѣ революціи пятого года Ленинъ открыто признавалъ себя якобинцемъ, не стѣсняясь рекомендовать «по плебейски» расправляться съ врагами свободы. Онъ открыто звалъ къ борьбѣ не противъ правительства только, но и противъ самаго государства.

Уже тогда близкіе прочили его въ русскіе Робеспьеры, а онъ, отшучиваясь, общалъ въ ближайшую революцію дѣйствовать болѣе умѣло и рѣшительно. Уже тогда намѣчалъ онъ осуществленный имъ послѣдствіи планъ:

— Будемъ спрашивать: ты за кого? За революцію или противъ? Если про т и в ъ — къ стѣнкѣ! Если за — иди къ намъ и работай!..

Крупская не соглашалась, возражала:

— Ну, вотъ и перестрѣляешь какъ разъ тѣхъ, которые лучше, которые будутъ имѣть мужество открыто заявить о своихъ взглядахъ!..

Поворотнымъ въ жизни Ленина моментомъ, какъ и въ

жизни многихъ людей, классовъ, партій и народовъ XX-го вѣка, — явилась мiровая война. Именно на отношеніи къ войнѣ отчетливо проявился геометрический характеръ ума Ленина. Холодный и свободный отъ всякихъ «сантиментовъ», Ленинъ выдержалъ испытаніе войной, устоялъ предъ искушеніемъ патріотизма, не поддавшись естественнымъ для всякаго человѣка симпатіямъ въ пользу своего, близкаго и родного. И предъ лицомъ смерти, сметавшей съ лица земли вѣковую культуру, сохранилъ Ленинъ вѣрность и вѣру въ непоколебимость своего пониманія марксизма.

Ленинъ ни на минуту не ощутилъ, что его народъ и страна заинтересованы въ томъ, а не въ иномъ исходѣ гигантскаго столкновенія. Въ войнѣ народовъ видѣлъ онъ только и хлѣбъ дѣло, лишь очередную грабительскую операцію капиталистовъ, поповъ и правительство различныхъ государствъ, одинаково по существу разбойныхъ. Отношеніе къ войнѣ и миру Ленинъ определялъ «въ общемъ видѣ», безотносительно къ конкретнымъ историческимъ условіямъ. Въ этомъ опять таки сказался «ти-исторический» характеръ мышленія Ленина. Для него существовало рѣшить проблему, способъ же ея рѣшенія были для него безразличны. Поэтому онъ готовъ былъ, не обольщаясь несбыточными мечтаніями, выжидать, когда воспослѣдуетъ то, что должно воспослѣдовать по всѣмъ законамъ логики и социаліно-экономической діалектики. Ленинъ искалъ математической точки, равно отстоящей и одинаково возвышающейся надъ империалистами обоихъ лагерей. Въ своемъ сознаніи онъ считалъ себя *au dessus de la mêlée*. Но поскольку пропаганда Ленина шла главнымъ образомъ въ русскую среду, она фактически направлялась почти исключительно противъ русскихъ империалистовъ и империалистовъ соизнаго съ Россіей лагеря, иными словами — шла на пользу центральныхъ державъ.

Съ войной Ленинъ сталъ раздражителенъ, запальчивъ и нетерпимъ. Небольшой кружокъ его единомышленниковъ все больше суживался. Но и среди оставшихся онъ не переставалъ выискивать и находить крамолу и уклоны. Ненависть и озлобленіе противъ буржуазіи и ея пособниковъ принимали искаженные формы личной злобы и вражды. Ленинъ измѣнился даже лицомъ, — по свѣдѣтельству его близкихъ.

Во время балканской войны, разыгравшейся накануне войны мировой, Ленинъ писалъ своему другу и единомышленнику Горькому:

— Война Австрiи съ Россiей была бы очень полезной для революцiи во всей восточной Европѣ штука; но мало вѣроятя, чтобы Францъ-Иосифъ и Николаина доставили намъ се удовольствiе...

Когда же черезъ полтора года «сие удовольствiе» было Ленину доставлено, — онъ смѣнилъ эпикурейское отношенiе къ войнѣ, какъ къ удовольствiю, на гераклитово отношенiе къ ней, какъ къ отцу и матери всѣхъ вещей. Новый взглядъ на войну революцiоннаго марксиста Ленина очень близко совпалъ со взглядомъ выдающагося французскаго реакцiонера-романтика Жозефа де Мэстра, вѣкомъ раньше усматривавшаго въ войнѣ «необходимость для моральнаго прогресса человечества», которая «взбадриваетъ размягченныя миромъ наци и сообщается всему въ обществѣ движению, жизни, огню»). Однако, не у де Мэстра заимствовалъ Ленинъ новую мудрость, и не у Достоевскаго, тоже находившаго, несмотря на проповѣдь завѣтовъ Христа, что «война развиваетъ братство и озлобляетъ меньше». Свою новую установку Ленинъ беретъ у знаменитаго современника де Мэстра — у прусскаго генерала Клаузевица, въ качествѣ русскаго военнаго аттше при Блюхерѣ вступавшаго въ Парижъ въ 1814 г.

Клаузевица Ленинъ считалъ однимъ изъ величайшихъ писателей по вопросамъ военной исторiи. Онъ видѣлъ въ немъ не больше-не меньше, какъ предшественника Гегеля, философски оплодотворившаго стратегическiя идеи генерала. Ленинъ тщательно конспектировалъ сочиненiя Клаузевица, переводилъ и выписывалъ изъ него иногда цѣлыя главы, сопровождая выписки сочувственными замѣчанiями:

— Вѣрно!.. Остроумно и умно!.. Ха-ха, остроумно!.. Очень мѣтко о политической душѣ, какъ сути и содержанiи войны, и «народной» вѣщности!.. Война — часть цѣлаго; это цѣлое — политика!.. Характеръ политическiй

*) Буквально въ глѣхъ же выраженiяхъ славословилъ войну и итальянскiй диктаторъ. Въ только что появившемся XIV-мъ томѣ монументальной Итальянской (фашистской) Энциклопедiи имѣется статья самого Муссолини, въ которой между прочимъ говорится: Война до максимума напрягаетъ человѣческую энергiю и налагаетъ печать благородства на народы, вмѣняющiе мужество иги войнѣ ильстричу Доктрина, исходящая отъ постулата мира, чужда фашизму. И т. д.

цбли имѣть рѣшающее вліяніе на веденіе войны!.. Хорошій вождь и... недоуѣріе къ людямъ!..

Въ мысляхъ прусскаго генерала и въ самомъ ходѣ его разсужденій Ленинъ нашель много себѣ родственнаго и созвучнаго. Высокую оцѣнку и признательность за полезную выучку Ленинъ сохраниль къ Клаузевицу на всю жизнь. Онъ передалъ ее и своимъ ближайшимъ выученикамъ. Такъ протягивается причудливая линія, соединяющая въ Ленинизмѣ Маркса, Бакунина и Клаузевица.

Повторяя анархиста Бакунина, Ленинъ во время революціи 1905 г. на всю жизнь запоминль, что революція есть война. Повторяя генерала Клаузевица, Ленинъ десятилѣтїемъ позже, во время имперіалистической войны, такъ же прочно усвоилъ обратное положеніе, что война есть революція, — то-есть война угнетенныхъ противъ угнетателей, «великая, единственно законная и справедливая».

Тому же Клаузевицу обязать Ленинъ и двумя другимъ, наибольшими имъ со времени войны положеніями: «великую европейски-цивилизowaną страну нельзя завладѣть безъ помощи внутреннихъ волеищ»; и «война есть продолженіе политики только иными средствами».

Послѣдній тезисъ Ленинъ превспуль въ лачанку и сталъ доказывать, что политика — та же война, только иными средствами ведущаяся. Такимъ путемъ классовая борьба, какъ война на физическое истребленіе («безпощадное уничтоженіе») противника, — получала новое военно-стратегическое обоснованіе и оправданіе.

Въ отличіе отъ пацифистовъ, не принимавшихъ міровой войны и противившихся ей, потому, что она была войной и отрицаніемъ мира, Ленинъ отрицаль міровую войну только потому, что она была войной имперіалистической, внѣшней, а не внутри-классовой. Воздыханіе пацифистовъ о мирѣ во что бы то ни стало Ленинъ считаль «поповски-сентиментальнымъ». Онъ противопоставляль ему лозунгъ — «Поднимай знамя гражданской войны!» Въ интересахъ социализма, братства и мира (!) надо не только «не желать побѣды своимъ имперіалистамъ», надо желать и активно содѣйствовать пораженію «своего» отечества — «въ сущности, простого приказчика миллиардныхъ фирмъ: Англіи и Франціи»...

Въ этомъ была дѣйствительная оригинальность ленинской установки.

**

Впервые мнѣ пришлось увидѣть Ленина задолго до второй революціи на авансценѣ «Зала научныхъ обществъ» въ Парижѣ. Онъ выступалъ противъ своихъ вчерашнихъ и завтрашнихъ единомышленниковъ: Горькаго, Луначарскаго, Богданова, временно уклонившихся въ богоискательство и богостроительство. Ленинъ ненавидѣлъ Бога личной, изступленной ненавистью:

— Всякій боженъка это — труположество, будь это самый чистенькій, идеальный, не искомый, а построяемый боженъка, все равно...

Передо мною стоялъ человѣкъ невысокаго роста, слегка сутулый, некресивый и невзрачный. У него большой и крутой лобъ, щетинистые усы и запущенная, рыжеватого отлива, бородка клинушкомъ. Выдѣляются выступающія впередъ скулы и суженныя, монгольскаго разрѣза, щели глазъ. Глаза сверлятъ и допытываютъ, даже когда они улыбаются. Временами въ нихъ вспыхиваютъ недобрые огоньки и искорки. Ораторъ рѣдко остается спокойнымъ, на одномъ мѣстѣ. Онъ двигается въ тактъ своей рѣчи, впередъ, назадъ и въ сторону. Руки въ карманахъ, но жестикуляція извлекаетъ ихъ наружу, — сначала правую, потомъ и лѣвую. Прежде чѣмъ начать и въ процессъ рѣчи онъ время отъ времени приглаживаетъ остатки растительности на голомъ черепѣ. Иногда откинется всѣмъ корпусомъ назадъ, и тогда большіе пальцы обѣихъ рукъ, закладываются симметрично за жилетный вырѣзь. Отвѣтныя реліки онъ слушаетъ, прищуря глазъ, а когда сидитъ за столомъ, — то какъ бы наводя на оппонента правый глазъ, скрытый за растопыренными пальцами.

Говоритъ онъ громко, ясно и отчетливо, нѣсколько подвоянски картавя и перебивая рѣчь сухимъ, задирчивымъ смѣшкомъ. Не подбираетъ словъ и не ищетъ художественной выразительности или точности. Онъ ни въ какой мѣрѣ не мастеръ слова; даже въ элементарномъ смыслѣ — не стилистъ. У него утилитарный подходъ къ рѣчи, какъ къ простому инструменту для достиженія нужной цѣли. Нѣтъ никакихъ «цвѣтовъ» краснорѣчія, «красивыхъ» фразъ или пустыхъ «соединительныхъ» мѣстъ. Словарь его неяркъ, очень ограниченъ и утомительно однообразенъ: штампованныя выраженія, все тѣ же образы и из-

бития сравненія. Выборъ словъ диктуется исключительно ихъ ударностью и эффектностью, — какъ быстрѣе и прочтѣе овладѣть аудиторіей.

Ленинъ и не скрывалъ своей цѣли, — внушить или привить слушателямъ опредѣленную мысль. Онъ не кружилъ, какъ коршунъ, надъ жертвою прежде, чѣмъ снизиться и схватить ее. Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ открыто, беретъ аудиторію «въ лобъ», почти съ циничной откровенностью говоритъ ей о томъ, чего домогается. Онъ не гибокъ и не властиченъ. Какъ писанія Ленина не сравнимы ни по содержанию, ни по формѣ съ писаніями Маркса или Энгельса, такъ и рѣчь его не имѣетъ ничего общаго съ свободнымъ вдохновеніемъ ораторовъ «божьей милостью».

Ленинъ не ораторъ. У него постоянныя отступленія и вводныя предложения, вставные эпизоды (малыя скобки въ большихъ) и подчеркнутыя — перомъ или голосомъ и два, и три, и четыре раза отдѣльныя слова и цѣлыя предложения. Аргументація не считается ни съ требованіемъ экономіи изобразительныхъ средствъ, ни съ законами логической стройности и послѣдовательности. Она примитивна и малоудлива, не утончаетъ и не углубляетъ мысли, а впрочемъ сгущаетъ и упрощаетъ, огрубляетъ ее. Экспансію упрощенныхъ идей Ленинъ опредѣленно предпочиталъ качественному ихъ углубленію и соответствію съ подлинной реальностью. Ибо интересовала его не истина и не постиженіе міра, какъ понять и объяснить исторію, а устройство міра, — какъ измѣнить ходъ исторіи и судьбы человѣчества.

...Снова и снова возвращается Ленинъ то съ одной стороны, то съ другой, къ уже сказанному и доказанному. Своими безконечными повтореніями онъ механически усиливаетъ вниманіе и гипнотизируетъ слушателей: если въ первый разъ слышанное можетъ поразить, во второй разъ оно воспринимается уже какъ извѣстное, а въ третій — можетъ быть, уже какъ доказанное и неопровержимое. Ленинъ на аргументы не изобрѣтателенъ. Онъ предпочитаетъ старое и усвоенное необслѣдованному и рискованному. Какъ и человѣкъ, онъ ораторъ одной темѣ. Онъ думаетъ только о революціи, только ее и дѣлаетъ. Ему некогда, поэтому, строить свою рѣчь, фразу или аргументацію. Онъ отрицаетъ за литературой самостоятельное значеніе:

— Литературное дѣло есть часть общепролетарскаго дѣла!..

Вмѣстѣ со всякою искусственностью Ленинъ органически чуждъ и всякому искусству: ораторскому въ такой же мѣрѣ, что и писательскому.

*
**

Только многими годами позднѣе стало извѣстно, что въ первую же ночь по своемъ возвращеніи въ Россію, въ своемъ кругу, собравшемся въ особнякѣ Кшесинской, Ленинъ заявилъ:

— Современный социализмъ врагъ международнаго пролетаріата. Самое имя социализма осквернено и запятнано предательствомъ. Съ нимъ нельзя имѣть ничего общаго. Его нельзя очистить, его надо отбросить, сбросить съ себя, какъ грязное бѣлье. Надо надѣть чистую рубаху и назваться коммунистической партіей...

Тогда этотъ планъ не встрѣтилъ сочувствія ни въ комъ. Даже вышколенные Ленинымъ соратники отвернулись отъ его предложеній. «Геній» Ленина сказался въ томъ, что и поголовный почти отходъ отъ него «профессиональныхъ революціонеровъ» нисколько не поколебалъ его увѣренности въ правильности намѣченнаго имъ пути. Прежде чѣмъ пойти на штурмъ государственной власти, Ленину пришлось пойти штурмомъ противъ собственной своей партіи. Онъ оставилъ на время несогласныхъ съ нимъ «старыхъ большевиковъ» и партійныхъ генераловъ и обратился къ партійному офицерству и унтеръ-офицерству. Черезъ посредство низшаго команднаго состава, которому не могло не импонировать такое обращеніе и которое не въ силахъ было оказать Ленину серьезное идеологическое сопротивленіе, сталъ Ленинъ вѣдраться въ ходъ революціонныхъ событій и завоевывать болѣе широкіе партійные и народные низы. Когда партійная низовая масса была завоевана, взбунтовавшимся противъ Ленина генераламъ и адъютантамъ не оставалось ничего, какъ принести повинную и капитулировать.

Ленинъ съ самаго начала былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ. Почему? На чемъ основывался онъ, когда не переставалъ подстрекать свой Ц. К. къ возстанію и словомъ, и перомъ, подчеркивая: «Мы побѣдимъ безусловно

и п е с о м ѣ н о»? Теперь изъ опубликованныхъ послѣ смерти Ленина документовъ мы знаемъ, на чемъ покоилась его увѣренность:

— «За нами вѣрная побѣда, ибо народъ уже близокъ къ отчаянію и «озвѣрѣнію» (подчеркнуто и кавычки въ подлинникѣ)!..

Огчание и озвѣрѣніе были главными психологическими ставками Ленина. Столь же примитивной была и его, политическая установка:

— «Долгъ партіи, скрывшей отъ врага свое рѣшеніе о необходимости вооруженнаго возстанія, обязываетъ не только вину, но и починъ сваливать на противника»...

И скрывая свое рѣшеніе, прикрываясь демократической «легальностью», Ленинъ сваливалъ и вину, и починъ возбужденія гражданской междуусобицы на противника — на «правительство народной измѣны» Керенскаго. Теперь это кажется само собою разумѣющимся, — какъ же надо было дѣйствовать иначе. Тогда, до Октября — для демократическаго и социалистическаго сознанія это не казалось столь самоочевиднымъ.

Ленинъ не принималъ непосредственнаго участія въ Октябрѣ. Онъ не занималъ самолично ни телеграфа, ни арестала, ни вокзаловъ, не разгонялъ Предпарламента и не обстрѣливалъ Зимняго дворца. И тѣмъ не менше его роль въ переворотѣ была единственной, исключительной, рѣшающей. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ и главнымъ стратегомъ, проводшимъ успешно операцію завоеванія власти большевѣнской партіей. Онъ раньше другихъ предвидѣлъ возможность переворота путемъ «короткаго» ночного удара «маленькой, но хорошо организованной, вооруженной и централизованной» кучки профессиональных революціонероѣвъ. Онъ создалъ всю политико-идеологическую арматуру переворота, далъ ему планъ и организующія его идеи, рѣшительнѣе другихъ звалъ къ нему, увѣрениѣе другихъ былъ въ успѣхѣ. Скрываясь въ Финляндіи, онъ манипулировалъ и дирижировалъ изъ подполья, аргументируя именемъ и отъ имени неопредѣлимаго коллектива: рабочаго класса, революціи, социализма.

Какъ всякій доктринеръ, Ленинъ больше задумывался о будущемъ, нежели о настоящемъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно, что, предвидя возможность не только своего убійства, но и простаго ареста, Ленинъ тутъ же въ ходѣ октябрьскихъ дней и ночей, въ огнѣ незавершенной

еще побѣды, озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы сохранить для исторіи цѣнные, съ его точки зрѣнія документы. Но будучи доктринеромъ, Ленинъ въ то же время былъ и величайшимъ оппортунистомъ, который его сторонники всячески старались выдать за реализмъ.

Ленинъ никогда не брезговалъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Въ эмигрантскомъ подпольѣ — такъ же, какъ и на вершинѣ власти. Онъ такъ же легко присваивалъ себѣ чужую программу, какъ и отказывался отъ своей. Его никогда не шокировало, кто борется съ нимъ въ однихъ рядахъ, кто ему сегодня помощникъ и пособникъ. Важно, чтобы дѣло Ленина было бы выиграно, а съ чьей помощью оно выиграно — не существенно. Онъ презиралъ не вполне уравновѣшеннаго командарма Муравьева, самую своею наружностью напоминавшаго жандарма, откровеннаго честолюбца и авантюриста, и тѣмъ не менѣе охотно пользовался его услугами и рѣшительностью. Такъ же пользовался онъ и Ремлевымъ, во главѣ своихъ красныхъ отрядовъ систематически громившимъ сельское населеніе мѣстностей, по которымъ ему приходилось продвигаться. Такъ же относился Ленинъ и къ германскимъ «империалистамъ» и ко всей тучѣ проходивцевъ, которую рождаетъ всякій удачный переворотъ и которая не замедлила облѣпить и октябрьскую «удачу».

Проведя всю жизнь за книжками въ библіотекахъ и за схоластически-талмудическими экзегезами и спорами о программахъ, Ленинъ въ то же время съ необыкновенной цѣлкостью хватался и держался за фактически возникавшія отношенія. Моральнаго порядка сдержки онъ отрицалъ, а непоколебимая увѣренность его въ своей и только своей правотѣ и преданности революціи и рабочему классу начинала его силой исключительнаго напряженія. Силѣ и власти марксистъ Ленинъ придавалъ едва ли не главенствующее значеніе. Считая шедевромъ Энгельсову критику Дюринга, Ленинъ въ оцѣнкѣ политической силы и власти фактически слѣдовалъ не за Марксомъ и Энгельсомъ, а за Дюрингомъ. Дюрингъ вошелъ неустрашимымъ элементомъ въ то противоестественное и противорѣчивое сочетаніе, которое впоследствии получило названіе «ленинизма».

Именно потому и домогался такъ власти Ленинъ, что, вопреки Марксу, придавалъ онъ первенствующее значеніе не экономикѣ, а политикѣ. Ленинъ не былъ вла-

столубцемъ въ базальномъ и пошломъ смыслѣ этого слова, не относился къ власти, какъ средству, сулящему личныя блага. Но онъ былъ ненасытнымъ властолюбцемъ, видѣвшимъ во власти необходимое средство для осуществленія своихъ идей и общественнаго идеала.

Въ такой же мѣрѣ, въ какой Ленинъ не былъ властолюбцемъ въ элементарномъ и вульгарномъ смыслѣ, — не былъ онъ и эгоистомъ. Но онъ страдалъ крайнимъ эгоизмомъ, былъ эгоцентрикомъ, отождествившимъ интересы дѣла съ самимъ собой, со своей личностью, — въ частности, только со своимъ пониманіемъ революціи, социализма, блага трудящихся классовъ.

†

Вкушинъ научилъ Ленина тому, что революція есть война; Клаузевицъ — что война есть революція. Въ процессъ углубленія революціи и перевола ея съ буржуазно-демократическихъ рельсъ на рельсы социалистическіе Ленинъ перевернулъ на изнанку древне-римское правило: если хочешь мира, готовь войну. Если хочешь войны — бери любой миръ, сказалъ себѣ и другимъ Ленинъ. И потому что онъ смирно желалъ гражданской войны, сталъ онъ съ такой беззаветной готовностью искать и мира во что бы то ни стало.

«Гражданская война это триумфъ совѣтской власти», — говорилъ Ленинъ и съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ подписалъ «похабный» миръ. очевидцы изъ ленинскихъ партійцевъ свидѣльствуютъ, что на съѣздѣ, созванномъ для ратификаціи Брестскаго мира, Ленинъ поражалъ всѣхъ своимъ добродушіемъ и оживленностью. Лицо его сияло полнымъ удовольствіемъ. Больше чѣмъ когда-либо ощущалъ онъ свою правоту. Въ разстегнутомъ пиджакѣ, съ заложенными по обыкновенію за жилетный вѣрѣзъ большими пальцами, прогуливался онъ позади ораторской трибуны, внимательно слѣдя за рѣчами. Чѣмъ рѣзче былъ оппонентъ, тѣмъ шире расплывалось самодовольное лицо Ильича въ круглую улыбку. Иногда принимался онъ даже громко хохотать, ухватившись за бока, точно для того, чтобы демонстративнѣе подчеркнуть смѣхотворную нелѣпость возраженій.

Энергичнѣе другихъ защищая необходимость немедленнаго заключенія мира, хотя бы сепаратнаго и «похабнаго», Ленинъ, конечно, меньше всего думалъ при этомъ о германскихъ интересахъ. Но объективно, какъ plombированный вагонъ, въ которомъ, не считаясь ни съ какими «буржуазными предрасудками», Ленинъ проѣхалъ черезъ Германію, былъ точкой пересѣченія интересовъ Ленина и интересовъ Вильгельма II, такъ и въ Брестѣ различные пути германскаго императора и вождя революціоннаго коммунизма вновь пересѣклись и на минуту совпали. Каждый дѣйствовалъ въ своемъ интересѣ, — но въ томъ, что онъ дѣлалъ, оказывался кровно заинтересованнымъ и его противникъ-партнеръ.

Поклонники генія Ильича всячески доказываютъ, что Ленину присущъ былъ даръ политическаго предвидѣнія, и прогнозы его были будто бы безошибочны. Это — преувеличено и невѣрно.

Ленинъ пророчилъ о превращеніи имперіалистической войны въ войну гражданскую. Онъ оказался правъ, но только въ отношеніи къ Россіи. Относительно всего остальнаго міра онъ непростительно ошибся. Ленинъ оказался правъ и относительно того, что «насильнический» Брестскій миръ окажется недолговѣчнымъ. Зато жестоко обманулся онъ въ томъ, что давало видимость оправданія для заключенія сепаратнаго мира въ экстра-ординарномъ «брестскомъ» порядкѣ. Ленинъ пророчилъ, что «выручить изъ всѣхъ трудностей» революціонную Россію коммунистъ Карлъ Либкнехтъ. Случилось же на дѣлѣ совсѣмъ иное. Либкнехтъ, какъ извѣстно, не только не побѣдилъ и не пришелъ на помощь Россіи, а палъ жертвой въ Германіи. Отъ тяготъ же насильническаго и аннексионистскаго мира Россію — и партію Ленина — освободили, какъ разъ ненавистные ему «имперіалисты»: «милліардная фирма Англія - Франція». Въ ст. 116 презрѣннаго Версальскаго мира значится между прочимъ: «Германія признаетъ окончательно аннулированіе брестъ-литовскихъ договоровъ такъ же, какъ и всѣхъ другихъ договоровъ, соглашеній или конвенцій, заключенныхъ ею съ максималистскимъ правительствомъ Россіи» (avec le Gouvernement Maximaliste en Russie)...

Ленинъ ни въ какой мѣрѣ не былъ ни послѣдователемъ маркиза де-Сада, ни его поклонникомъ. Онъ не былъ жестокъ ни отъ природы, ни по болѣзни. Онъ былъ жестокъ въ ея и ч а й ш е й жестокоствѣ по убѣжденію, и дѣ й с т в о, въ интересахъ «дѣла», революціи и социализма, какъ онъ ихъ понималъ. Онъ не разъ повторялъ буквально слова Коло д'Эрбуа: во имя достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей все дозволено.

И агенты ленинской власти въ центрѣ и на мѣстахъ дѣломъ своимъ свидѣтельствовали вѣрность этимъ словамъ. Центральный органъ Че-Ка «Красный Мечъ» писалъ: «У насъ новая мораль. Наша гуманность абсолютна, ибо въ основѣ ея славные идеалы разрушенія всякаго насилия и тиета. Намъ все дозволено, ибо мы первые въ мѣрѣ подымаемъ мечъ не ради закрѣпощенія и подавленія, но во имя всеобщей свободы и освобожденія отъ рабства»...

Ленинъ любилъ маленькихъ дѣтей, животныхъ, — особенно былъ онъ неравнодушенъ къ кошкамъ, съ трогательной нѣжностью относился къ цвѣтамъ. «Больно, знаете, смотреть», — говорилъ онъ при видѣ сломанныхъ вѣтвей сирени... Это не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ пропагандистовъ краснаго террора. Онъ подстрекалъ къ нему колеблющихся и реабилитировалъ его передъ сомнѣвающимися.

Ленинъ любилъ охоту и, хотя былъ плохимъ стрѣльцомъ, — у него былъ невѣрный глазъ, — съ наслажденіемъ стрѣлялъ зайцевъ и утокъ, куроцатокъ и рябчиковъ. Но людей ему никогда не приходилось самому убивать или разстрѣливать, — ни въ грудь, ни въ затылокъ. Тѣмъ легче было ему отстаивать принципиально практическую необходимость «безпощаднаго истребленія» всѣхъ враговъ рабоче-крестьянской власти, паразитныхъ классовъ и проч. Къ Ленину въ первую очередь относятся слова бывшего члена ленинскаго Совнаркома: «Стрѣляли матросы и красноармейцы, но ружья заряжали большевицкіе политики и журналисты»...

Ленинъ самъ ни въ кого не стрѣлялъ. Онъ только заряжалъ ружья, изъ которыхъ другіе разстрѣливали тѣхъ, на кого указывалъ Ленинъ. Не всѣ убійства, разстрѣлы, пытки, заточенія и проч. осуществлялись по прямому при-

казу Ленина, но всё они творились именемъ возглавляемой имъ власти, для ея укрѣпленія и прославленія. Въ Ленинѣ персонифицировалась, къ нему сходились и отъ него исходили всё токи большевицкаго террористическаго аппарата. Въ самые трагическіе моменты, когда совѣтскіе серпъ и молотъ особенно неистово дробили черепа и косили человѣческія жизни, Ленинъ довольствовался бавальнымъ самоутѣшеніемъ: «лѣсъ рубить — щенки летятъ»...

Не только въ принципѣ отрицалъ, но и внутренне презиралъ Ленинъ всякую гуманность, какъ «слонствость» интеллигентныхъ «хлюпиковъ». Онъ боролся на смерть — и убивалъ — не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыя группы и слои населенія. И не только людей убивалъ онъ, но, насколько могъ, и цѣлыя категоріи чувствъ, которыя считалъ враждебными своимъ идеямъ. Онъ объявилъ буржуазной выдумкой, подлежащей безпощадному истребленію и стыдѣ, и жалости, и благоговѣнію. И стыдѣя своего стыда, люди избѣгали чувства жалости и убивали въ себѣ пѣтеть къ высшимъ цѣностямъ — къ культурѣ и человѣчности.

Ленинъ велъ жизнь, полную постояннаго риска. Онъ не былъ трусомъ въ элементарномъ смыслѣ слова. Но дѣйствовалъ онъ зачастую такъ, какъ могутъ дѣйствовать только шкурники и трусы. Онъ принималъ исключительныя мѣры предосторожности для сохраненія своей особы, не въ личномъ, конечно, интересѣ, а какъ центра «руководства» партіей и страной. Чтобы уцѣлѣть и сохранить себя для «руководства» — и «руководства» за собой, — онъ соглашался заранѣе на любое униженіе: отъ всякаго сопротивленія германскимъ имперіалистамъ съ такою же легкостью, съ какою, будучи вооруженнымъ и въ сопровожденіи тѣлохранителей, безпрекословно отдалъ и бумажникъ, и автомобиль Предсовнаркома уличнымъ грабителямъ въ Москвѣ.

Нельзя сказать, что Ленинъ страдалъ мегаломаніей. Но дѣйствовалъ онъ какъ подверженный маніи величія и ея оборотной сторонѣ — маніи преслѣдованія. Ближайшіе же его сподвижники отмѣчаютъ, что «Ленинъ ощущалъ себя, какъ — : Я, Ленинъ, и крестьянская Россія... Я, Ленинъ, и рабочій классъ... Я, Ленинъ, вождь русскаго народа, и вся остальная вселенная»... А съ другой стороны, онъ не переставалъ дѣлать видъ, что повсюду его все пре-

сѣдуютъ контръ-революціонеры и интервенты, «вынуж дающіе» совѣтскую власть ко всѣмъ ея жестокостямъ и несообразностямъ.

Много вѣковъ тому назадъ великолѣпный храмъ Діаны въ Эфесѣ, одно изъ семи чудесъ міра, былъ сожженъ для того лишь, чтобы обезсмертить имя поджигателя. Такой амбіціи у Ленина не было. Не вмѣняють ея Ленину даже тѣ, кто видятъ въ немъ безумнаго вдохновителя гражданской войны, испепелившей великую страну и унесшей миллионы человѣческихъ жизней.

Ленинъ вообще былъ чуждъ личной амбіціи. Онъ не жилъ въ хрустальномъ дворцѣ, не ѣлъ на золотѣ, не пилъ изъ серебряныхъ кубковъ сладкихъ винъ, не возлежалъ на роскошныхъ коврахъ, не предавался ни нѣгѣ, ни оргіямъ. Его идеи и претензіи были утопичны, фантастичны, частью даже безумны. Но лично онъ былъ безкорыстенъ. И только въ условномъ смыслѣ можно говорить о его личномъ интересѣ, о его заинтересованности въ утвержденіи личной власти. Мы назвали бы его, поэтому, не вторымъ Торквемадой или Маратомъ, не Наполеономъ или Петромъ Великимъ, не Атиллою или Саванароллою, не Христомъ или Іудой, — всѣ эти сравненія дѣлались въ зависмости отъ той или иной оцѣнки Ленина. Мы назвали бы его — Безкорыстнымъ Геростратомъ: безкорыстнымъ по личнымъ мотивамъ и Геростратомъ по объективнымъ результатамъ его жизнедѣятельности.

М. В. Вишнякъ.